

RACHEL CAINE
PPAPER AND
FFIRE

*Посвящается
ученым. Ученикам. Библиотекарям.
И всем тем, кто борется
за них каждый день.
Да будет свет.*

ОТ АВТОРА

Я хочу поблагодарить многих за помощь в создании данной книги, в том числе своего мужа Р. Кэт Конрада (который был чрезвычайно терпелив в сложные времена, когда я писала данную книгу), мою чудесную помощницу Сару Вайс (по той же причине); моего агента Люсьен Дайвер (по той же причине вдвойне), а также моего редактора Энн Совардс — самого терпеливого редактора из всех.

Хочу выразить особую благодарность своим рассудительным читателям, Тез, Саре, Бекки Тайри и Саре Тайри.

ЗАПИСКИ

Отрывок отчета, переданного по защищенной линии связи верховному архивариусу и написанного руководителем отдела Аргифекса

Я полагаю, вы стали мягкотелым, когда приказали нам оставить мальчишку в живых, однако он и правда оказался чрезвычайно полезен. Как вы и говорили, гениальный ум. Когда мы даем ему доступ к книгам и бумагам, что делаем в качестве награды, его комментарии и идеи относительно инженерии оказываются новаторскими. Мы запретили ему использовать стандартные средства, но предоставили мел, которым можно писать на стенах камеры, и вскоре он начал записывать очень любопытные и необычные расчеты и схемы. Они также представлены в отчете.

Он очень наблюдателен, что подтверждает охранник, которому я приказал подружиться с ним, он рассказывает солдатам об автоматизированных стражах, стоящих в тюрьме. Умный мальчишка. Он бы даже мог взломать одну из машин и использовать ее для своих нужд, если бы мы не следили за ним день и ночь.

Знаю, вы хотите оставить его в живых, однако даже спустя столько времени он хоть внешне и готов сотрудничать, но внутренне очень упрям. Я не встречал никого подобного со времен... собственно, его наставника, Кристофера Вульфа.

Однако, каким бы он ни был одаренным, я не знаю, как мы сможем всегда полностью его контролировать. Было бы куда проще убить его сейчас.

Ответ верховного архивариуса, переданный по защищенной линии связи

Ни при каких обстоятельствах я не даю вам права убивать мальчишку. У меня на него грандиозные планы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Каждый день Джесс Брайтвелл проходил мимо статуи спартанца на пути в казарму и обратно. Это была красивая автоматизированная статуя, быстрая и опасная, покрытая отполированной медью. Спартанец стоял на пьедестале, замерев в движении, с копьем в руке, которое он готов был метнуть в любой момент. Статуя одновременно служила и украшением, и для защиты от потенциальных врагов.

Она не должна была представлять угрозу для служащих Библиотеки.

Сейчас же, однако, когда Джесс проходил мимо, глаза воина, скрытые под тенью его шлема, замерцали красным огнем, а потом спартанец еще и повернул голову, следя за шагами Джесса. Джесс буквально почувствовал, как эти красные глаза прожигают насквозь, однако не повернулся, чтобы посмотреть на статую в ответ. Понадобится всего лишь секунда, чтобы воин сдвинулся с места, чтобы он пронзил своим копьем Джесса. Джесс даже задумался, что именно пронзит это копье — то место на его спине, куда устремлены красные огни глаз.

«Не сейчас! — Джесс весь покрылся потом, не в силах перестать думать о кожаных ремнях под его рубашкой, к которым крепилась тонкая контрабандная книга. — Спокойно. Успокойся». Но сделать это было ужасно сложно не только из-за представлявшей реальную угрозу статуи, но из-за злости, кипевшей у него внутри. Когда Джесс прошел дальше, теплое покалывание на спине, где застыл красный взгляд воина, обратилось в жар. Джесс уже был готов к тому, что услышит каменные шаги, а потом ощутит удар пронзающего его тело копья... Однако он сделал шаг, потом еще один и еще, но никто на него не напал.

Когда Джесс наконец оглянулся, то увидел, что воин принял свое первоначальное положение, отвернул голову и смотрел теперь перед собой. Казалось, он был в безопасности. Нет, не был. Выжить в Великой библиотеке Александрии Джессу Брайтвеллу помогли лишь его терпение и удача. Если бы Джесс был хотя бы вполовину так умен, как его друг Томас Шрайбер, то к этому моменту он бы уже придумал, как отключить эти штуковины...

«Не думай о Томасе. Томас мертв. Тебе не следует об этом забывать, иначе не выживешь».

Джесс замер во мраке темного коридора, ведущего от входа со спартанцем на страже на обширную территорию военной части, где Джесс теперь жил. Здесь за ним уже никто не наблюдал, не было ни одного служащего ни в одном конце коридора. И каменный страж его здесь не видел. Здесь, на этот короткий безопасный миг, Джесс мог позволить эмоциям завладеть им.

В нем ярко горела злость, отчего все мышцы в теле напрягались, однако слезы, которые навернулись ему на глаза, вызвала скорее злость, а не печаль. «Ты солгал, Артифекс, — подумал Джесс. — Ты солгал, жестокий, злой ублюдок». Книга, спрятанная у него под рубашкой, была неопровержимым доказательством того, на что Джесс надеялся последние шесть месяцев. Однако надежда была жестокой и обманчивой. Она может принести боль, точно лезвие, которое вонзили в живот и повернули. Надежда была похожа на страх.

Джесс, откинув голову, ударил затылком по каменной стене за спиной, затем ударил снова, и снова, и снова, пока не сумел взять свою злость под контроль. Опять спрятать глубоко внутри и связать цепями силы воли. Затем Джесс вытер глаза. Сейчас было утро, очень раннее, рассвет только окрасил небо над горизонтом, и Джесс жутко устал. Он искал книгу, которую сегодня нес, на протяжении нескольких недель, забывая о еде и отдыхе, и вот наконец-таки он ее нашел. Пришлось пожертвовать сном, и Джесс был голоден — последним его перекусом был гирос, который он купил у уличного торговца-грека восемь часов назад. Все остальное время Джесс провел в заброшенном здании, где прочел книгу трижды от корки до корки, пока каждая деталь не отпечаталась в его памяти.

Джесс разваливался от усталости, его желудок сводило от голода, однако он знал, что должен сейчас сделать.

Он должен был рассказать Глен правду.

Ему совсем не хотелось этого делать, и при мысли об этом он стукнул головой по стене еще раз, но осторожнее. Затем выпрямился, проверил пульс, чтобы удостовериться, что успокоился, и вышел из коридора во внутренний двор — здесь уже не было каменных стражей, хотя сфинксы регулярно патрулировали территорию. Джесс был рад, что сейчас не было видно ни одного из них, он повернул налево и отправился в сторону казарм.

Сделав остановку на завтрак, состоящий из куска хлеба, и выпив целый кувшин воды, Джесс пошел дальше, стараясь избегать всех, кто проснулся рано и мог захотеть поболтать. Ему жутко хотелось в душ и спать, хотелось куда больше, чем болтать с кем-нибудь ни о чем.

Ни душа, ни сна. Когда Джесс открыл дверь и вошел к себе, он обнаружил, что Глен Уотен — его друг, товарищ, с которым они много пережили вместе, одноклассница и начальник — без капли смущения сидит на стуле за его маленьким письменным столом. Она была высокой и мускулистой девушкой. Джесс никогда не считал ее привлекательной, однако она держала себя уверенно и гордо — что заслужила за последние три месяца, — отчего казалась почти что красивой, по-своему. Человек с характером по меньшей мере.

Девушка из Уэльса спокойно читала, хотя, как только Джесс закрыл за собой дверь, оторвалась от бланка и поставила его на полку.

— Люди начнут распускать слухи, Глен, — сказал Джесс. Он слишком устал, и у него не было сил ни на что. Ему нужно было рассказать ей о том, что он узнал, ему не терпелось рассказать, однако в то же самое время его переполняли эмоции, и Глен была последней, кому Джесс хотел бы показывать, что он теряет над ними контроль. Ему хотелось встретиться с ней после отдыха. Тогда ему бы удалось не выдать свой гнев... или бы все равно не удалось.

— Кое-что ты можешь уяснить в раннем возрасте, если рождаешься девчонкой: люди всегда распускают слухи, что бы ты

ни сделала, — сказала Глен. — Какое благословение, должно быть, родиться мальчиком. — Ее голос был кислым, как и выражение лица. — Где ты пропадал? Я уже думала, не собирать ли поисковый отряд.

— Ты отлично знаешь, что так лучше не делать, — ответил Джесс, и, если она не собиралась уходить, что ж, ладно. Джесса совершенно не смущала необходимость снимать свою униформу и расстегивать перед ней рубашку. Они видели друг друга далеко не в лучшем состоянии, когда были еще кандидатами и проходили испытания профессора Вульфа, да и в военной части скромность не приветствовалась.

Джесс, должно быть, и правда слишком устал, чтобы думать, потому что он уже успел расстегнуть половину пуговиц на своей рубашке, когда осознал, что если разденется, то Глен увидит ремни на его груди и украденную книгу под ними. А ведь это была тайна, которой он пока не готов был поделиться с Глен.

— Может, отвернешься? — спросил Джесс. Глен вскинула свою темную бровь, однако ничего не сказала и молча повернулась к нему спиной. Джесс не сводил с нее глаз, пока снимал рубашку и проверял кожаные ремни, крепившие к его груди книгу. — Мне нужен сон, а не разговор.

— Ужасно жаль, первого ты не получишь, — ответила ему Глен. — У нас тренировка через полчаса, поэтому, в общем-то, я тебя и искала. Приказ пришел после того, как ты растворился в ночи. Где ты был, Джесс?

«Джесс». Что ж, значит, сейчас они играют не по армейским правилам, хотя не то чтобы он так думал. Джесс вздохнул и, не снимая ремней, накиннул чистую рубашку.

— Можешь повернуться, — сказал он, когда застегнул все пуговицы. Глен повернулась, сложив руки за спиной, и посмотрела на него многозначительно.

— Если твоя ложная скромность должна была скрыть от меня тот факт, что на тебе какое-то контрабандистское снаряжение, то твои попытки не увенчались успехом, — произнесла она. — Ты что, снова вошел в семейный бизнес?

Семья Брайтвеллов занимала видное место на лондонском черном книжном рынке и имела связи по всему миру. Джесс никогда не рассказывал об этом Глен, однако почему-то не уди-

вился, когда понял, что она все знает. Глен предпочитала узнавать о людях, с которыми общалась, все, что только могла. Хорошая стратегия. Джесс, в общем-то, поступил так же в отношении ее: она была единственной дочерью успешного торговца средней руки, который, однако, едва не обанкротился, когда оплатил учебу Глен в Великой библиотеке. А еще у нее было шесть братьев. Вопреки тому что все братья были высокими и крепко сложенными, никто из них не поступил на военную службу. Глен же была именно такой, какой казалась на первый взгляд: сильной, способной и жесткой девушкой, которая заботилась больше о своих умениях, чем о внешности.

— Если ты Брайтвелл, ты никогда на самом-то деле не выходишь из семейного бизнеса, — сказал Джесс и сел на край кровати. Матрас прогнулся, и Джессу ничего не хотелось в этот момент так сильно, как растянуться и утонуть в одеяле, однако если он ляжет, то точно уснет за секунду. — Ты же ворвалась сюда не для того, чтобы просто убедиться в том, что я все еще жив и здоров?

— Нет. — Судя по голосу, Глен вопрос позабавил, и она снова расслабилась. — Мне нужно было у тебя кое о чем спросить.

— Ну так? Как ты сама сказала, у нас всего полчаса...

— Уже даже меньше, — оборвала его Глен. — Потому что мы уже долго разговариваем. Что ты знаешь о Черных архивах?

У Джесса внутри все внезапно похолодело. Он ожидал, что Глен спросит что-нибудь другое, что-нибудь... более армейское. Но вместо этого усталому мозгу Джесса пришлось одолевать новую тему — в итоге он сказал:

— Что это миф?

— Действительно. — Слово прозвучало как издевательство, и Глен прислонилась спиной к стене, у которой стояла. — А что, если я скажу тебе, что слышала кое от кого, кому доверяю, что они вовсе не миф?

— Наверное, ты проспала все уроки в детстве, — насмешливым голосом протянул Джесс и напел детскую песенку: — Есть в Библиотеке книжный архив...

— ...Вопреки огню, вопреки войне, вопреки штормам будет он жив, — закончила Глен. — Я вспомнила те же строки, что и ты. Однако я говорю про другой архив. Про запрещенный.